

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Как бы пафосно это ни звучало, но без этой книги просто невозможно представить себе отечественную историографию. Времена меняются, появляются новые факты, проводятся исследования, историки обнаруживают в архивах ранее неизвестные документы. Но «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева была, есть и останется в числе главных книг, раскрывающих перед читателем события, происходившие в стране с V в. до н. э. и до середины XVIII в. Ни до, ни после Соловьева ни один историк не охватывал такого огромного временного промежутка.

Мысль написать «Историю России» возникла у Сергея Михайловича во второй половине 1840-х годов, еще до того как он начал преподавать в Московском университете; эта мысль укрепилась после того, как Соловьев был назначен профессором университета. Сам историк вспоминал, что ставил перед собой чисто практические задачи: «Выучиться самому, чтобы быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университетский курс русской истории и дать средство другим основательно знать свою историю».

Со временем идея трансформировалась в желание создать многотомный обобщающий труд, который охватывал бы историю русского народа в течение многих столетий. Идея, конечно, была хороша, но наверняка многие не верили, что ее удастся довести до логического завершения; можно с большой долей уверенности утверждать, что сомнения посещали и самого Сергея Михайловича.

Строго говоря, С. М. Соловьеву не удалось завершить свой труд. Первый том «Истории России с древнейших времен» увидел свет в 1851 году. Последний, ставший по счету 29-м и охватывавший события 1774 года, — в 1879-м, уже после смерти Сергея Михайловича (нужно отметить, что мы публикуем в нашем издании сокращенный вариант труда С. М. Соловьева).

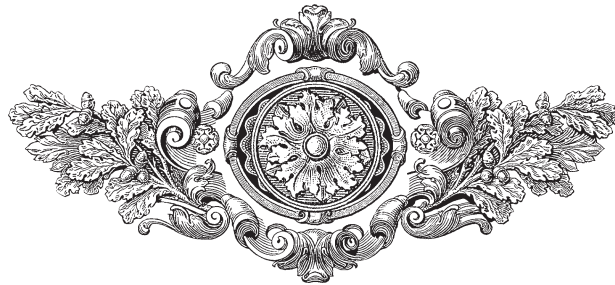
«История России с древнейших времен» задумывалась автором и как университетский курс, и как замена «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Несмотря на то, что карамзинская «История» фактически получила статус официальной, к середине XIX столетия она уже устарела. В своей работе Соловьев использовал кардинально отличающийся подход, чем его предшественник. «История государства Российского» — это долгое время бывшее классическим построение исторического повествование в зависимости от смены правителей и делавшихся ими завоеваний. Но карамзинская эпоха закончилась, и русская историография требовала нового подхода, общество и наука не имели труда, отвечавшего требованиям времени. Взвалить на себя общественный долг по созданию такого труда и решился Сергей Соловьев.

Важность государственного начала подчеркивалась и С. М. Соловьевым, однако он прежде всего обращал внимание на взаимосвязь преемственности правительственных форм и общества, народа в целом, его быта и духовных исканий. История, по Соловьеву, это не скачки от одного правителя к другому, а плавный переход от племен к княжествам, а от княжеской формы правления — к единому государству, управляемому из одного центра. Именно поэтому Сергей Михайлович ставил во главу угла органичность развития исторических процессов: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, перио-

ды,— писал он в предисловии к первому тому,— но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда».

Человеку непосвященному, незнакомому глубоко с работой историка, трудно себе представить, какой гигантский объем архивных документов необходимо обработать, чтобы написать хотя бы один том исторического труда, не говоря уже о 29. Фундамент источников «Истории России с древнейших времен» — громаден. Соловьев не просто изучал уже хорошо известные источники, он исследовал и вводил в исторический оборот новые документы. В определенной степени помогло Сергею Михайловичу специальное разрешение Александра II, который позволил ему разрабатывать архивные материалы, ранее считавшиеся секретными. Впрочем, несмотря на внимание императора к работе Соловьева, такого статуса, как в свое время был у Карамзина, он не получил.

Критиковали ли Соловьева и его труд? Конечно, и это абсолютно нормально. «История России с древнейших времен» это не икона, не высеченные в камне десять заповедей российской историографии. Но критиковать-то критиковали, а вот превзойти или хотя бы повторить его титаническую работу так, пожалуй, и не смогли. Почему? Наверное, ответ можно дать словами коллеги Сергея Михайловича, историка, академика Владимира Ивановича Герье: «История» Соловьева есть национальная история: впервые исторический материал, необходимый для такого труда, был собран и исследован с надлежащей полнотой, с соблюдением строго научных приемов, применительно к требованиям современного исторического знания: источник всегда на первом плане, трезвая правда и объективная истина одни руководят пером автора. Монументальный труд Соловьева впервые схватил существенные черты и форму исторического развития нации. В натуре Соловьева глубоко коренились три великих инстинкта русского народа, без которых этот народ не имел бы истории, — его политический, религиозный и культурный инстинкты, выразившиеся в преданности государству, в привязанности к церкви и в потребности просвещения».

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ. ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Биографический очерк П. В. Безобразова

ГЛАВА I

Детство. — Учение. — Студенческие годы.

5 мая 1820 года, в 11 часов вечера, накануне Вознесения, в тесной, плохо меблированной квартире священника Московского коммерческого училища Михаила Васильевича Соловьева родился сын Сергей, недоношенный, а потому слабый, хворый, целую неделю не открывавший глаз и не кричавший.

Из первых лет жизни Сергей Михайлович впоследствии с особенной любовью вспоминал о своей няньке Марье и даже приписывал ей большое влияние на образование своего характера. Это была невысокая худощавая старушка с очень приятным выразительным лицом, с добродушно-насмешливой улыбкой, очень набожная и притом всегда веселая, несмотря на множество злоключений, постигших ее в жизни.

Рассказы старушки, умевшей и в далеко не забавных приключениях находить забавную сторону, всегда отличались добродушным юмором и смешили ребенка. Занимали его сообщения о дальних странах, о Волге, рыбной ловле, больших фруктовых садах, о калмыках и киргизах, о похищении последними русских людей, об их страданиях в неволе и бегстве.

Своей няне Соловьев приписывал и религиозно-нравственное влияние. Начнет она рассказывать о каком-нибудь страшном приключении, о буре на море, о встрече с подозрительными людьми, мальчик в сильном волнении спрашивает ее: «И ты не испугалась, Марьюшка?» Ответ был всегда один: «А Бог-то, батюшка?» Впоследствии в трудных обстоятельствах жизни Сергей Михайлович нередко вспоминал слова няни: «А Бог-то?»

Сестер Сергея Михайловича, которые были значительно старше его по возрасту, отдали в пансион, и мальчик рос один. Одиночество способствовало, конечно, раннему развитию и любви к чтению. Научившись грамоте, он с жадностью набросился на книги и в них находил единственное развлечение. Читал он все без разбору и прежде всего романы, попадавшиеся ему под руку.

Однако его склонность к истории сказала уже в раннем детстве. Среди отцовских книг попала ему «Всеобщая история» Басалаева и увлекла его; он перечитывал ее много раз и особенно прельщался римской историей, с которой ему вскоре после этого удалось познакомиться подробнее в сочинении аббата Милота. В то же время Сережа увлекся Карамзиным и до 13 лет перечел его не меньше 12 раз. Не меньше исторических книг маленький мечтатель увлекался путешествиями, читая «Историю о странствиях» и «Всемирного путешественника».

По обычаю духовенства, Михаил Васильевич Соловьев записал своего восьмилетнего сына Сергея в духовное училище, с правом учиться дома и являться только на экзамены. Он сам учил мальчика Закону Божию и древним языкам, а для обучения другим предметам посылал его в коммерческое училище, где в те времена преподавание не отличалось большим блеском. Отец не имел времени аккуратно заниматься с сыном, а потому по большей части ограничивался тем, что приказывал выучить наизусть такие-то склонения и спряжения из латинской грамматики, и только раз или два в несколько недель успевал проверить познания своего сына.

Понятно, что мальчику, обладавшему пылкой фантазией, было очень тяжело механически, почти без всякого руководства заучивать латинские вокабулы, в то время как он постоянно жил в области мечты, вместе с Муцием Сцеволой клал руки на уголья или с Колумбом открывал Америку. Мальчик каждый день держал перед собой латинскую грамматику по несколько часов, но обыкновенно вкладывал в нее другую книгу, какой-нибудь роман, и результатом было то, что когда отец начинал спрашивать

Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) — историк, специалист по изучению Византии, публицист, прозаик, переводчик; был женат на дочери С. М. Соловьева Марии Сергеевне. Здесь и далее, если не указано иначе, примечания редактора.

его, он отвечал плохо и совершенно неудовлетворительно сдавал экзамены в духовном училище.

Поездки в Петровский монастырь, где помещалось духовное училище, Сергей Михайлович причислял к самым бедственным событиям в своей отроческой жизни: неопрятный вид учеников, грязные и грубые до зверства учителя возбуждали сильное отвращение в мальчике, привыкшем к домашней жизни. Один из учеников сделал однажды какую-то довольно невинную шалость, к нему подскочил преподаватель, вырвал у него целый клочок волос и торжественно положил их на стол. Такие сцены, естественно, вселяли в мальчика страх к духовному образованию, потому что он был немало наслышан о грубости семинарских нравов и вообще не чувствовал ни малейшей склонности к духовному званию. Под влиянием матери, принадлежавшей к светскому сословию, а также из-за неудовлетворительно сданных экзаменов М. В. Соловьев после некоторого колебания решил выписать сына из духовного звания.

В 13 лет Сергей поступил в третий класс Первой московской гимназии. Директором был Окулов, добрый и милый человек, очень любезный, славившийся в обществе своим искусством рассказывать анекдоты, и в то же время известный своим мотовством; он держал много пансионеров и не занимался делами, предоставляя их инспектору Белякову. Это был человек неглупый, распорядительный, но желчный и грубый, часто кричавший на учеников и бранившийся.

Порядок в младших классах, где было до ста учеников, оставлял желать много лучшего: на передней лавке ученики еще кое-что слушали, на средних разговаривали, на задних спали или играли в карты. Дисциплина установилась только с назначением попечителем Московского округа графа Строганова вместо князя Голицына, когда инспектором стал вместо Белякова учитель математики Погорельский — человек ловкий, деятельный, самолюбивый, желавший угодить попечителю и потому следивший за порядком. Он сменил учителей, не хотевших ничего знать, кроме учебника, или просто «без царя в голове».

Соловьев учился хорошо по всем предметам, кроме математики, к которой чувствовал природную антипатию, усилившуюся еще оттого, что в третьем классе был учителем некто Волков, большой педант и человек довольно грубый.

Однако летом Соловьев навестал упущенное, отец взял ему учителя и осенью он блистательно выдержал экзамен, так что перешел в четвертый класс первым учеником по всем предметам. Первым, кто подметил выдающиеся способности Соловьева, был Попов, преподававший русский язык и словесность, начиная с четвертого класса. Он умел возбудить в учениках охоту к занятиям, прекрасно разбирая классические произведения литературы и ученические сочинения и на этих разборах не только выучивал правильно писать, но и выявлял таланты, у кого они были.

На уроках логики и риторики Соловьев, заинтересованный предметом, не мог удержаться, чтобы не высказывать вслух своих мыслей. Попов не сердился на такое «неприличное» поведение, и беседа выходила очень живой и поучительной. Сочинения Соловьева своими достоинствами выделялись среди прочих ученических работ, хотя он часто уклонялся в сторону, не исполняя заданной темы — вместо описания памятника Минину и Пожарскому предавался историческим воспоминаниям и пренебрегал риторическими формами, считавшимися тогда обязательными. Попов журил ученика за отступления от риторики, но тем не менее

во время одной товарищеской беседы с учителем Красильниковым увлекся до того, что сказал ему: «Ведь Соловьев просто гений!» Красильников возразил на это: «Полно, полно, Павел Михайлович! Как это может быть; положим, что Соловьев — мальчик умный, с большими способностями, но может ли это быть, чтобы у нас в гимназии завелся гений?»

Хотя не все относились к Соловьеву с таким восторгом, как Попов, но все учителя признавали в нем большие способности и любили его за отличное учение и примерное поведение. Сергей Михайлович всегда с удовольствием вспоминал о времени, проведенном в гимназии; легко, весело ему было с узлом книг отправляться в школу, зная, что там встретит его ласковый прием; приятно было ему чувствовать, что он значит что-то; приятно было, войдя в класс, направлять шаги к первому месту, остававшемуся всегда за ним.

В 1838 году, восемнадцати лет, Соловьев был выпущен из гимназии первым учеником с обязанностью написать для акта рассуждение на тему «О необходимости изучения древних языков для успешного изучения языка отечественного», за которое получил серебряную медаль.

На лето Соловьев поселился в качестве учителя в деревне князя Михаила Николаевича Голицына, сына разорившегося аристократа, малообразованного и развратного помещика. Воспитанием детей занималась княгиня, отличавшаяся нетерпимым характером, — женщина ограниченная, капризная, сварливая. Молодому Соловьеву поручили обучение четырех детей и между прочими Дмитрия, мальчика до безобразия толстого, вялого физически и умственно, в 13 лет с трудом читавшего по-русски. В доме Голицыных не говорили иначе как по-французски, с презрением относились ко всему русскому, Соловьева называли *Mr. le Russe*, и юноша вынужден был доказывать, что он гордится этим прозвищем, что имя русского драгоценно для него, что ему лестно быть единственным русским в целом доме. Аристократическая семья произвела тяжкое впечатление на юношу, воспитанного в совсем другой среде, и осенью он отказался жить в доме Голицыных; но это лето оставило некоторый след в его жизни, — одна крайность вызывает другую, и Соловьев на время ударился в славянофильство или, лучше сказать, русофильство.

Осенью Соловьев поступил в университет на первое отделение философского факультета (теперешний историко-филологический). Ректором был в то время М. Т. Каченовский, известный историк-скептик, человек очень честный и всеми уважаемый. Читал он уже не русскую историю, как прежде, а славянские наречия, и на этом поприще как по старости лет (ему было 64 года), так и по недостаточному знакомству с предметом не мог оказать большой пользы студентам. Деканом факультета состоял И. И. Давыдов, ученый карьерист, смотревший на науку как на средство выслужиться, получать чины и ордена. Получив Станислава 1-й степени, он откровенно объявил, что высшие ордена производят удивительное впечатление: он чувствует себя нравственно лучше, выше с тех пор, как награжден звездой.

Давыдов читал студентам историю русской словесности, но не сообщал им ничего нового; курс его был хорошо известен из напечатанных им «Чтений о словесности». Но так как ему не хотелось повторять самого себя, то он читал вместо двух часов всего час и целый год, что называется, переливал из пустого в порожнее, поэтому студенты называли его курс «Нечто о ничем, или Теория красноречия».

Другим профессором русской словесности был Шевырев, пользовавшийся известностью в свое время, но также не понравившийся Соловьеву, потому что он на своих лекциях увлекался фразерством и риторикой. Шевырев при каждом удобном и неудобном случае говорил в самых напыщенных выражениях о гниении Запада, о превосходстве Востока, русского православного мира и прославлял Россию до такой степени, что лекции его среди студентов были прозваны «казенными».

Древним языкам обучали: Оболенский — человек знающий, но бездарный и полусумасшедший, над странными речами которого студенты постоянно смеялись; еще более бездарный Меншиков и немец Гофман, ведший обучение совершенно по-гимназически, занимавшийся исключительно грамматикой, при чтении авторов обращавший внимание не на содержание, а на форму.

В сороковых годах на философском факультете не преподавалась философия, и потому студенты ожидали общих идей и их развития преимущественно от профессоров словесности и истории. Но литература была плохо представлена, и больше всего извлек Соловьев из исторических лекций.

На первом курсе читал древнюю историю профессор Крюков, хотя и не самостоятельный, но даровитый ученый, хорошо знавший западную литературу и увлекавшийся Гегелем. Его блестящее и вместе с тем серьезное изложение увлекало слушателей, давало им не только много новых сведений, но и множество новых идей.

Среднюю и новую историю читал Грановский, тогда только что начинавший приобретать известность. Лекции его производили на Соловьева такое же обаятельное действие, как и вообще на всех студентов, хотя чисто внешне Грановский читал нехорошо, говорил тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова. Но внешние недостатки исчезали перед внутренними достоинствами речи, перед внутренней теплотой и силой, дававшей жизнь историческим лицам и событиям. Соловьев сравнивал изложение Грановского с изящной картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры как живые действуют перед вами.

Благотворное влияние Грановского, заставившего Соловьева заняться всеобщей историей и полюбить ее, сказалось впоследствии в главном труде последнего — «История России с древнейших времен». Казалось бы, что Соловьев, избравший своей специальностью русскую историю, должен был больше всего научиться у того профессора, который посвятил себя той же специальности. На самом деле это было не так. На последних курсах русскую историю читал Погодин¹, приобретший уже тогда громкую известность и занимавший кафедру 15 лет. Он изучал почти исключительно древнейший период русской истории, главные его работы посвящены «варяжскому вопросу»; тем же самым он занимался в университете, и курс его был мало поучителен и еще меньше занимателен. Месяца два посвящал он славянским древностям, которые читал буквально по Шафарику²; затем переходил к подробному рассмотрению вопросов о достоверности русских летописей и о происхождении варяг-русичей, то есть сообщал то, что было им изложено в двух его диссертациях.

¹ Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — историк, коллекционер, журналист, публицист и писатель-беллетрист, издатель.

² Павел Йозеф Шафарик (1795—1861) — словацкий и чешский историк и славист, поэт, деятель национального возрождения.

Михаил Трофимович Каченовский.

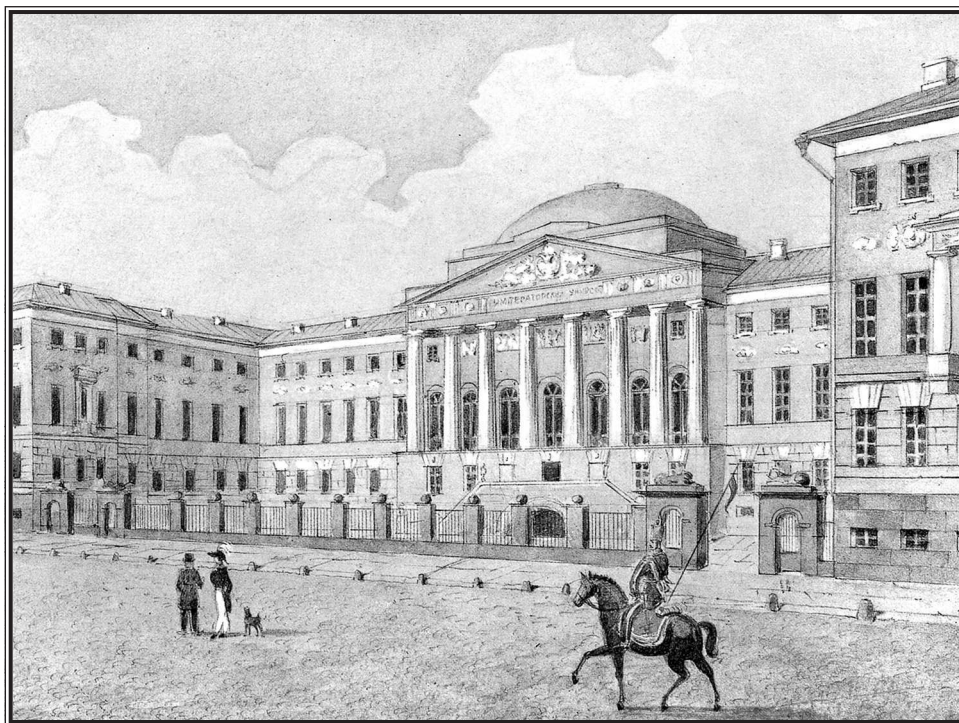
Гравюра из исторического журнала
«Русская старина». 1889 г.

В этом заключалась главная часть его курса, остальное время Погодин посвящал чтению Карамзина, безо всяких исторических пояснений, потому что не следил за наукой и не мог делать нужных дополнений по новым источникам. Он приносил с собой Карамзина и превращал лекцию истории в лекцию риторики, выбирая преимущественно красивые места. Погодин читал с восторгом описание Тамерлановых подвигов и требовал от слушателей, чтобы они также восторгались этим описанием, затем обращал внимание студентов на необыкновенное искусство, с которым Карамзин переходит от рассказа об одном событии к рассказу о другом. Главная его цель была при этом убедить слушателей, что русская история интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской или английской.

Погодин останавливался там же, где остановился Карамзин, то есть на 1612 году. Таким образом, из его лекций слушатели могли основательно познакомиться только с «варяжским вопросом» да с некоторыми местами из «Истории государства Российского», которые легко было прочесть и без профессора; по книгам в то время нельзя было изучить русскую историю после Смутного времени, и этот существенный пробел не восполнялся курсом Погодина.

Значительная часть лекций посвящалась разговорам со студентами, и такие беседы могли бы быть очень полезны, если бы имели другой характер. Но Погодин ограничивался указаниями на то, чем следует заниматься, мог изложить историю сословий, историю отдельных княжеств и т. п., но самого главного, что требуется от профессора, он не говорил — как заниматься, как работать над источниками.

Он жаловался, что молодые люди самолюбивы, не хотят бескорыстно трудиться на стариков. «Ведь вот никто из них не пойдет к старому ученому дрова пилить», — выражался Погодин со свойственной ему откровенностью, разумея под этим, что никто не соглашается подыскивать ему нужные места в источниках, вообще заниматься подготовительной работой, которой он, Погодин, мог бы воспользоваться, сберегая таким образом свои силы и время.

Московский университет.

Литография. Первая половина XIX в.

Подобные беседы только смешили студентов и возбуждали антипатию к профессору. Университетская молодежь и так не питала к Погодину никакого уважения, он пользовался репутацией грубого до цинизма, самолюбивого и корыстолюбивого человека, — таким он и был на самом деле — умный и плутоватый мужик, по выражению академика Никитенко¹.

Понятно, что при таком составе профессоров наиболее плодотворным для Соловьева было занятие всеобщей историей. В то время в ней господствовало философское направление, и увлечение Гегелем было так сильно, что студенты постоянно выражались гегелевскими терминами. Это направление было полезно в том отношении, что заставляло студентов думать, не ограничиваться фактами, но делать широкие обобщения. Философия истории Гегеля произвела такое сильное впечатление на Соловьева, что он, правда на короткое время, увлекся протестантским учением и собирался сделать философом и разрабатывать религиозные вопросы. Но скоро любовь к истории взяла верх, и Соловьев погрузился в чтение исторических книг, преимущественно европейских ученых — Гиббона, Вико, Сисмонди. На последнем курсе он больше всего занимался русской историей, самостоятельно работал с источниками, так как наша литература того времени отличалась бедностью. Кроме Карамзина, читать было почти нечего; Карамзина он изучил

еще в гимназии, да притом этот историк не удовлетворял даже студентов. Из сочинений по русской истории самое большее впечатление произвело на Соловьева «Древнейшее право руссов» Эверса², где он нашел указание на родовой быт у славян, чем впоследствии воспользовался в создании своей теории.

Погодин обратил внимание на Соловьева, когда тот подал ему сочинение о первых веках русской истории, в котором опроверг несколько положений профессора. Однажды с кафедры он обратился с таким воззванием: «Господин Соловьев, зайдите как-нибудь ко мне!» Студент, конечно, отозвался на такое любезное приглашение наставника и стал ходить к нему в гости, но не часто, потому что приглашение получил уже во втором полугодии, перед окончанием курса. Погодин любезно принимал Соловьева, предоставил ему возможность пользоваться своим знаменитым древлехранилищем, богатым рукописями, которое, кстати сказать, он впоследствии продал публичной библиотеке за 150 тысяч рублей. Но работы своего слушателя Погодин так и не разобрал и ограничился замечанием: «Я хотел было с вами потолковать о вашем сочинении, но куда-то его запрятал, так что отыскать не могу».

В то же время Соловьев подал Крюкову сочинение по египетской истории, и работа эта так понравилась профессору, что он однажды громко объявил в присутствии других студентов: «Господин Соловьев, я ношу ваше сочи-

¹ Александр Васильевич Никитенко (1805—1877) — историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета, действительный член Академии наук; автор мемуаров, которые являются важным источником о литературной и общественной жизни середины XIX в.

² Иоганн Филипп Густав фон Эверс (1781—1830) — немецкий и российский историк и юрист, ректор Императорского Дерптского университета, почетный член Петербургской академии наук.

нение в кармане, не могу с ним расстаться!» На этом основании Крюков довольно настойчиво предлагал Соловьеву заняться древностями, но последний отказался, так как не чувствовал влечения к латинской грамматике и вообще филологии, изучение которой сопряжено было с изучением древней истории. Соловьев окончательно решил посвятить себя русской истории.

Выпускные экзамены Соловьев сдал, как всегда, блестяще и получил одобрение даже Погодина. Обращаясь к начальству, присутствовавшему на экзамене, профессор сказал: «Рекомендую господина Соловьева — это лучший студент курса по русской истории, один из лучших во все продолжение моей профессорской службы; не скажу — лучший из всех: были прежде и другие такие же».

ГЛАВА II

*Заграничное путешествие. — Магистерский экзамен. —
Диссертации на степень магистра и доктора истории. —
Профессорская деятельность.*

В то время, когда Соловьев находился в старших классах гимназии и потом в университете, попечителем Московского учебного округа был граф Сергей Григорьевич Строганов. Он уважал науку, любил литературу и выше всего ставил в человеке талант, трудолюбие, честность, прямоту, благородство и строгое исполнение своих обязанностей. Он не любил давать места по протекции, и притом к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы или знатного господина значило навсегда погубить себя в его мнении и никогда не получить места. Он доверял людям хотя и незнатным, но знающим и понимающим.

«После двухлетнего гнета под ферулой Д. П. Голохвастова (помощника попечителя), — рассказывает Буслаев¹ в своих воспоминаниях, — мы, студенты 1834 года, могли вполне оценить и радостно почувствовать на себе самих благотворную силу обновления во всем строе университетской жизни. Предшественник графа Строганова, князь Сергей Михайлович Голицын, знаменитый первый вельможа в Москве, был человек решительно добрый и благотворительный, но — странное дело — ровно ничего для университета не делал, а вполне предоставлял Голохвастову делать все что угодно. Он даже вовсе и не любил университета и при нас в течение двух лет ни разу не был в аудиториях на лекции; только однажды посетил он нашу казенную столовую во время обеда, прошелся взад и вперед между столами и закинув голову смотрел по верхам в потолок, на студентов же вовсе ни на кого и не взглянул.

Граф же Строганов чуть не каждый день посещал лекции профессоров и внимательно слушал каждую с начала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременным выходом из аудитории, а во время переходных и выпускных экзаменов любил знакомиться с успехами и способностями экзаменуемых студентов и с особенным вниманием и участием следил за теми из них, которые были уже у него на примете по дарованиям и прилежанию».

Строганов застал в университете множество профессоров бездарных, отсталых, с нелепыми выходками и привычками, подвергавшихся вследствие этого насмешкам студентов. Молодых людей, в которых попечитель усматривал особенное дарование и трудолюбие, он отправлял учиться за границу и таким образом обновил Московский университет. К этим молодым ученым принадлежали наиболее

видные представители сороковых годов: Грановский, Крюков, Кавелин, Буслаев. Погодина же, Шевырева и Давыдова Строганов не любил за их нравственную неопрятность, но терпел в университете, потому что заменить их было нечем: для изучения русской истории и словесности молодежь не посылали за границу. Пользуясь враждой между попечителем и министром народного просвещения Уваровым, Погодин, Шевырев и компания старались заручиться покровительством министра, и старания их увенчались успехом.

Соловьева Строганов заметил еще в гимназии и в университете начал покровительствовать ему, предугадав, что этим талантливым юношей в будущем можно будет заместить неприятного ему Погодина.

Отвергнув предложение Крюкова и занявшись преимущественно русской историей, Соловьев не имел никакой надежды быть посланным за границу за казенный счет. Между тем он считал для себя очень важным поучиться у европейских профессоров, но не мог сделать это на свои средства. Поэтому он очень обрадовался, когда по рекомендации попечителя получил предложение занять место домашнего учителя в доме его брата, графа Александра Григорьевича Строганова, проживавшего тогда за границей.

Летом 1842 года Соловьев отправился в Теплиц, где находились Строгановы, но по дороге остановился на короткое время в Берлине и прослушал здесь несколько лекций знаменитых ученых: философа Шеллинга, великолепного старца с орлиным взглядом, производившего большое впечатление торжественностью своей речи; церковного историка Неандера, пользовавшегося громкой известностью; патриарха новой истории Ранке, а также Раумера, географа Риттера. Соловьеву необходимо было спешить в Теплиц, и несколько берлинских лекций не могли принести ему большой пользы: он прослушал их из любопытства, желая посмотреть на знаменитых людей.

В Теплице Соловьев познакомился с семейством Строгановых, в котором ему пришлось прожить больше года и которое ему не понравилось. По рождению, воспитанию и образованию у него не было ничего общего с графом Александром Григорьевичем, опальным министром внутренних дел, и легкомысленной графиней, увлекавшейся католицизмом и иезуитами. Но хотя Соловьев и не мог сдружиться со Строгановыми, жизнью своей он был вполне доволен, потому что пользовался большой свободой.

Из Теплица Строгановы после приезда нового учителя переехали в Париж, и здесь Соловьеву приходилось только учить двенадцатилетнего графа Виктора Александровича,

¹ Федор Иванович Буслаев (1818—1897) — лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, родоначальник изучения русской народной словесности; действительный член Петербургской Академии наук.

Константин Дмитриевич Кавелин.
Гравюра из альбома «*Портретная галерея русских деятелей*». 1864–1869 гг.

при котором состоял француз-губернер. Занятия проходили по утрам, не более трех часов в день, и затем Соловьев мог делать все что ему было угодно. Позавтракав, он отправлялся в Королевскую библиотеку, работал там до трех часов, потом возвращался домой, писал до обеда, то есть до шести часов, а вечером читал новые книги и журналы.

Не имея возможности работать над русской историей по недостатку книг, он занимался всеобщей историей, преимущественно славянской. Уже тогда в голове Соловьева зарождались общие исторические теории, касавшиеся жизни всех народов; он задумывал сочинение, в котором хотел объяснить главнейшие явления в истории человечества отношением дружины к родовой общине, антагонизмом между замкнутым родом и выделившейся из него группой людей. С этой целью он изучал историю древних и новых народов, семитические племена и славяне являлись, казалось ему, представителями родового начала, а греки — представителями дружинного; в борьбе патрицев и плебеев он видел борьбу родового и дружинного начал.

По воскресеньям Соловьев отдыхал, всегда ходил в русскую церковь, после обедни отправлялся вместе с Сажиным, губернатором князя Гагарина, осматривать Париж, обедал в ресторане, вечером посещал театры, смотрел знаменитую Рашель, предпочитая, впрочем, комическую оперу и водевиль, где можно было посмеяться.

Соловьев не ограничивался занятиями в библиотеке, но посещал также университетские курсы в Сорбонне и Коллеж де Франс, на которые по французскому обычаю допускалась любознательная публика. Французское преподавание и парижские профессора не понравились Соловьеву.

Как в публичном преподавании Соловьев не хотел видеть хорошей стороны, так и к французским профессорам он относился отрицательно, отчасти потому, что в то время увлекался ложным патриотизмом и заразился несколько славянофильским духом. Из известных в то время историков

Соловьев слушал Мишле и Ленормана, но обоими остался неудовлетворен.

Гораздо снисходительнее Соловьев относился к филологам и профессорам литературы. Сен-Марка Жирардена он слушал с наслаждением и вполне оценил его глубокий критический ум.

Лето 1843 года Строгановы собирались провести на богемских водах, а так как для Соловьева не хватило места в их карете, он отправился туда один и, воспользовавшись случаем, осмотрел по дороге Страсбург, Штутгарт, Мюнхен и Регенсбург. Приехав в Карлсбад, он узнал, что Строгановы будут еще не скоро, и поехал в Прагу, где познакомился с известными славянскими учеными Ганкой, Палацким и Шафариком, а также с кружком властителей (патриотов), мечтавших об освобождении Чехии из-под власти Австрии.

Этот кружок молодых людей, добродушных и нравственно чистых, служивших идее и живших исключительно мечтой, хотя они и отличались наивностью, произвел очень приятное впечатление на Соловьева. Так, например, один властинец-гравер показывал с восторгом свою только что оконченную работу: здесь был изображен орел, которого ухватил за шею лев. Лев — это символ Чехии, которого властинец противопоставляли орлу, изображенному на австрийском гербе.

Зиму 1843/44 года Соловьев вновь прожил в Париже у Строгановых, часть следующего лета провел в Гейдельберге, где слушал лекции историков Рау и Шлоссера; а конец лета — опять у Строгановых на богемских водах; осенью 1844 года он возвратился в Москву, где надеялся получить кафедру.

Во все время своего заграничного путешествия Соловьев не прекращал переписки со своим учителем Погодиным. Веря в расположение московского профессора, он сообщал ему о ходе своих занятий и даже обращался к нему за советом. Весной 1844 года Строгановы уговаривали Соловьева остаться у них еще на год, но он находил это для себя бесполезным, потому что за границей невозможно было заниматься русской историей, а ему хотелось поскорее выдержать экзамен на магистра и получить кафедру. Поэтому он написал Погодину с просьбой сообщить, что происходит в Московском университете и на что он может рассчитывать.

Ответ не заставил себя ждать, но отличался двусмысленностью. Погодин горячо благодарил Соловьева за оказанное ему доверие, к чему он очевидно не привык, сообщал, что он оставил кафедру, думает ехать в Швецию заниматься «варяжским» периодом, в Южную Сибирь — для занятия «монгольским» периодом; что, с одной стороны, Соловьеву нужно было бы возвратиться в Россию для занятия русской историей, но, с другой стороны, пожить подольше за границей было бы ему также очень полезно, что во всяком случае он может рассчитывать на место адъюнкта при университете. Письмо это удивило Соловьева своей странностью, потому что он в то время еще не понял характера Погодина и не знал, что делалось в Москве.

Авторитет Погодина сильно пошатнулся в сороковых годах, попечитель не благоволил к нему, и, следуя своему грубому и неуживчивому характеру, он находился во вражде с молодыми профессорами, так называемыми западниками. Погодин был столько же публицистом, сколько ученым: он издавал журнал «Москвитянин», орган православно-русского направления, по выражению его биографа г-на Барсукова.

Понятно, что такое направление пришлось не по сердцу молодым профессорам, гордившимся своим европейским образованием, не нравились им и грубые манеры Погодина. Последний не стеснялся, называл молодых профессоров «немцами», громогласно говорил, что онемеченный русский гораздо хуже, вреднее для России, чем немец, что от посылки русских ученых за границу происходит страшное зло для университетов. Погодин доходил до того, что западников, и среди них людей весьма почтенных, называл подлецами и негодьями. Вражда разгорелась особенно сильно в конце 1843 года, когда глава западников Грановский открыл в университете публичный курс по истории Средних веков и его талантливые лекции снискали большой успех у публики.

Хотя «Москвитянин» старался уничтожить Грановского и западников, они все-таки были в большинстве, пользовались покровительством попечителя и симпатиями студенчества. Поэтому Погодин подал в феврале 1844 года прошение об отставке из-за расстроенного здоровья, но при этом заявил Строганову, что если здоровье его в продолжение одного или двух лет восстановится, то он почтет священной своей обязанностью поступить вновь в преподаватели университета, если это угодно будет начальству.

Погодин надеялся, что министр попросит его отдохнуть и не оставлять университет, но, вопреки его надеждам, отставка была принята и профессор негодювал на самого себя за такой неосмотрительный шаг.

В преемники по кафедре Погодин наметил себе молодых ученых менее талантливых, чем Соловьев, и притом таких, которые не намеревались посвятить себя исключительно русской истории. Одним из этих кандидатов был Григорьев, занимавший кафедру восточных языков в Ришельевском лицее в Одессе. В то время когда Соловьев проводил вторую зиму в Париже и рассчитывал на благорасположение своего профессора, Погодин убеждал Григорьева сделаться его преемником. Григорьев вполне сознавал, что он не подготовлен для этой кафедры и решительно отказывался; Погодин долго убеждал его. «Приготовляйтесь к лекциям со дня на день», — писал Погодин Григорьеву. — Попечитель остановился теперь на Соловьеве, кандидате, который должен воротиться из путешествия; малый он хороший, с душой, но, кажется, слишком молод.

В ответе на это письмо читаем следующие удивительные строки: «Если в Соловьеве один недостаток — молодость, так беда невелика; по-моему: молод да умен — два угодья в нем. Беда не в молодости его, а, как я слышал, в том, что рано он хитрить начал и не годится для кафедры русской истории не по уму и не по сведениям, а по недостатку нравственного достоинства, но этого Строганов не понимает». Все знавшие Соловьева единогласно подтверждают, что скорее у него можно было отнять ум и талант, чем нравственное достоинство. От кого Григорьев слышал подобную клевету? Он не знал Соловьева лично, потому что с 1838 года находился в Одессе. Не шла ли эта клевета из Москвы?

По возвращении из-за границы Соловьев очутился в довольно неловком положении. Статья его о Парижском университете пришлась по вкусу Погодину и была напечатана им в «Москвитянине», но именно по этой причине не могла понравиться западникам. Неприятно действовало отрицательное отношение к Парижскому университету, а так как Соловьев ничего другого не печатал о своем заграничном путешествии, можно было думать, что он вообще относится

пренебрежительно к европейской науке, чего на самом деле не было.

Соловьев увлекался русофильством главным образом потому, что в высших сферах, с которыми пришлось ему столкнуться в ту пору, когда он далеко еще не созрел, господствовала галломания и слишком большое презрение ко всему русскому. Профессора-западники косо смотрели на него, потому что считали его славянофилом, последователем Погодина, и, отделившись от последнего, не желали вступления в университет подобного же профессора.

О Соловьеве они судили по его статье, не зная, что он вовсе не такой славянофил, как они думали, потому что он ни к кому из них не ходил, ни перед кем не заискивал. Он сидел у себя дома, стараясь как можно лучше подготовиться к магистерскому экзамену и написать поскорее диссертацию. Кроме истории всеобщей и русской, географии древней и новой, приходилось экзаменоваться в политической экономии и статистике. Поэтому Соловьев зашел к профессору Чивилеву, читавшему политическую экономию, желая сообщить ему, что главная его цель — показать свою способность занять кафедру русской истории, для чего будет служить диссертация, а чтобы написать хорошую диссертацию, надо употребить на нее все время, а не тратить его на предметы второстепенные.

Соловьев желал, как это обыкновенно делалось и делается до сих пор, чтобы профессор указал ему те вопросы, на которые ему придется отвечать. Но Чивилев, принадлежавший к партии западников, принял его очень сухо и, когда он спросил, что ему нужно приготовить к экзамену, отвечал, что, если он прочтет все книги по политической экономии и статистике, рекомендованные им на лекциях, этого будет достаточно. Само собой разумеется, что такая задача была непосильна для историка и подобное требование уместно было бы предъявлять только специалисту, посвятившему себя экономическим наукам.

Западники были настроены против Соловьева, но в то же время славянофилы не поддерживали его и он не искал их покровительства. К тому же в университете был в то время один только славянофил — Шевырев, не пользовавшийся уважением товарищей. Шевырев вместе с Погодиным интриговал, чтобы последнего упростили вновь занять только что оставленную кафедру. Соловьев зашел как-то к декану Давыдову, чтобы поговорить с ним о предстоящем экзамене. Давыдов с нахмуренным лицом вдруг спросил его:

— Что же это значит? Михаил Петрович Погодин хочет опять войти в университет, ведь мы имели вас в виду.

Давыдов не любил Погодина как своего соперника, так как они оба обхаживали министра Уварова и выпрашивали у него всякие милости. Вопрос декана очень озадачил Соловьева, и он ответил, что ничего не знает, что это дело университета. Давыдов заподозрил его в неискренности, и таким образом в университетских кружках зародилось ни на чем не основанное подозрение, будто Соловьев находится в сговоре с Погодиным, и последний намерен вернуться на кафедру вместе со своим учеником.

Между тем отношения между Погодиным и Соловьевым совсем не были настолько близки и едва ли их можно было назвать дружественными. Погодин не скрывал, что сожалеет о своей отставке. «Вот и Шафарик пишет, — говорил он, — зачем я так рано оставил университет», но о своих планах он ничего не сообщал. Одна выходка даже сразу отшатнула ученика от учителя, в расположение которого ему еще хотелось верить.

— Что же вы пишете диссертацию,— обратился Погодин к Соловьеву,— а со мной никогда о ней не поговорите, не посоветуетесь?

— Я не нахожу приличным советовать,— ответил Соловьев,— потому что, хорошо ли, дурно ли напишу я диссертацию, она будет моя, а стану советовать с вами и следовать вашим советам, то она не будет вполне моя.

— Что же за беда,— возразил Погодин,— мы так и скажем, что диссертация написана под моим руководством.

Следствием всех этих обстоятельств, борьбы западников со славянофилами, подозрения, что Соловьев принадлежит к партии Погодина, недоброжелательства самого Погодина, было то, что Соловьев выдержал экзамен гораздо хуже, чем этого можно было ожидать, судя по его способностям и громадному трудолюбию.

Экзамены начались со всеобщей истории в январе 1845 года. Грановский задал Соловьеву три вопроса: один — по истории Франции о первых Капетингах; другой — по истории Испании; третий — о сравнении русской летописи с западной. Нелегко было ответить на все эти вопросы без приготовления, не зная, что они будут заданы, но Соловьеву помогли его заграничные занятия, его обширное знакомство со всеобщей историей. Грановский написал на экзаменационном листе, что Соловьев обнаружил большую начитанность, но что он затрудняется в изложении,— это был намек на то, что он неспособен занимать кафедру.

Второй экзамен по русской истории был менее удачен. За неимением специалиста в университете, пригласили Погодина. Он задал экзаменуемому удивительный вопрос: изложить историю отношений России с Польшей с древнейших до последних времен. На такой вопрос ни сам Погодин, ни кто другой не мог бы ответить удовлетворительно по той простой причине, что в то время как история Польши, так и новая русская история после вступления на престол Михаила Федоровича оставались совершенно неразработанными. Чтобы выдержать подобный экзамен, нужно было много лет просидеть в архивах и изучить нигде не напечатанные документы, что впоследствии и сделал Соловьев, но в 1845 году не было книг, по которым можно было бы уяснить себе отношения России с Польшей за целых 900 лет.

Соловьев старался уклониться в сторону, показать свое знание собственно русской истории; Погодин останавливал его, требуя, чтобы он говорил только об отношениях с Польшей. Понятно, что присутствовавшие профессора остались недовольны и заявили, что ответ — гимназический, а не такой, как требуется от магистра, и что из такого ответа не видно, может ли экзаменуемый занять профессорскую кафедру.

Еще неудачнее прошел экзамен по политической экономии вследствие того, что Соловьев не успел подробно заняться этой наукой, а также вследствие недоброжелательства профессора Чивилева.

Единственный человек, который продолжал хорошо относиться к Соловьеву, был попечитель, граф Строганов. К нему-то и отправился Соловьев и, сообщив про неудачный экзамен, прямо объяснил ему, что он считал нелепым заниматься подробным изучением статистики и политической экономии вместо того, чтобы писать диссертацию, которая должна показать его права на кафедру; что же касается странного вопроса по русской истории, он в этом не виноват. Строганов понял, в чем дело, и, убедившись, что во всем

виновата погодинская интрига, к которой Соловьев непричастен, ободрил молодого человека и дал ему понять, что участь его будет зависеть от диссертации, а не от экзамена.

Первоначально Соловьев собирался написать книгу об Иоанне III, но, занявшись Новгородом, он заметил, что для уяснения решающих судеб этого города и уничтожения его вольности необходимо проследить отношения Новгорода с великими князьями, и поэтому он написал диссертацию «Об отношениях Новгорода к великим князьям».

В начале Великого поста Соловьев подал диссертацию декану, а тот препроводил ее Погодину, который должен был дать о ней отзыв, так как на факультете не было компетентного лица.

Прошло около двух месяцев, Соловьев ничего не знал об участи, ожидающей его работу; жизнь он вел одинокую и чуждался профессорских кружков, где о нем имели не слишком лестное мнение. В четверг на Страстной, гуляя по Арбату, он встретился с Грановским и Кавелиным. Грановский с насмешливой улыбкой спросил Соловьева:

— Что же ваша диссертация?

Соловьев удивился такому вопросу, потому что Грановский был секретарем факультета.

— Давно подана,— ответил он.

— Как подана? — возразил Грановский все с той же насмешливой улыбкой.— Никто на факультете не знает об этом.

Соловьев объяснил, что его работа препровождена к Погодину, и после Пасхи зашел к нему с просьбой вернуть наконец диссертацию на факультет со своим о ней мнением, чтобы решился вопрос, считают ли ее достойной ученой степени или нет. На эту просьбу Погодин отвечал следующее:

— Я долго думал, как объявить вам мое мнение о вашей диссертации, ибо я чувствую, как тяжело должно быть для вас на первый раз, при первом опыте, выслушать отзыв неслестный: диссертация ваша как магистерская диссертация очень хороша, но как профессорская — вполне неудовлетворительна; приступ блестящий, правда, есть кое-что новое, чем я и сам воспользуюсь, но в изложении нет перспективы; повторяю, труд прекрасный как магистерская диссертация, но как профессорская не годится.

Соловьев возразил совершенно основательно, что ни о какой профессорской диссертации не должно быть речи; он жаждет получить ученую степень, и если Погодин находит его работу удовлетворительной, пусть он сделает соответствующую надпись и факультет больше не будет беспокоить его. Тогда Погодин стал отнекиваться, говорить, что напишет на диссертации только «читал». Но Соловьев настаивал:

— Если вы говорите прямо, что диссертация удовлетворительна, почему вы не хотите этого написать?

Погодин вынужден был уступить и написал на диссертации: «Читал и одобряю».

Погодин проговорился: он ничего не имел против Соловьева, если бы тот согласился стать его прислужником, но признать его способным к профессорскому званию он не хотел: ему желательно было, чтобы кафедра русской истории пустовала и чтобы его упростили вновь занять ее.

— Вот если бы я был опять профессором,— говорил он однажды Соловьеву,— а вы у меня адъюнктом, то мы бы устроили так: когда бы мне нездоровилось или так почему-нибудь я не был бы расположен читать, то я давал бы вам знать, о чем следует читать, и вы эту лекцию читали бы за меня.

Понятно, что Соловьев не соглашался на такую унизительную роль, и Погодину оставалось одно — не пускать его по возможности в университет.

Старания его, однако, не увенчались успехом. Как только диссертация попала вновь в руки Соловьева, она была передана Грановскому, а тот, не считая себя достаточно сведущим в русской истории, отдал ее на рассмотрение Кавелину¹, тогда только что начинавшему свою ученую деятельность и читавшему на юридическом факультете историю русского законодательства. Кавелин пришел в восторг от работы: в ней не было славянофильской направленности, чего он опасался, но было критическое отношение к источникам и широта взгляда. Диссертация Соловьева представляла действительно замечательное явление, в ней была изложена новая теория о старых и новых городах. Восторг свой Кавелин высказал на страницах «Отечественных записок».

Прежде чем напечатать свой отзыв, Кавелин говорил то же самое в университетских кружках, и отношение профессоров к Соловьеву совершенно изменилось: западники приняли его с распростертыми объятиями. Когда Соловьев приехал к Грановскому, он встретил его комплиментами, сожалея, что суждение свое основывает на словах Кавелина.

— А что Погодин говорит о вашей диссертации? — спросил Грановский.

Соловьев передал знаменательные слова Погодина об отношении диссертации к магистерству и докторству. Грановский не удержался.

— Подлец! — сказал он.

Строганов очень обрадовался такому ходу дела, он с восторгом слушал похвалы труду Соловьева от тех самых лиц, которые прежде отзывались не слишком лестно о молодом ученом. Попечитель был очень доволен, что может заместить Погодина вполне достойным молодым человеком, и потому приказал Соловьеву готовиться к чтению лекций. В этой ситуации Соловьев выказал благородство своего характера: он не считал себя вправе сердиться на Погодина только за то, что тот не признал его диссертацию достойной профессорской кафедры, и счел своей обязанностью предупредить профессора, старавшегося навредить ему, о том, что готовится в Московском университете. Поэтому, зайдя к Погодину, он откровенно сказал ему:

— Знаю, что вы желаете занять опять кафедру, но Строганов велел мне пригласить вас к лекциям; имейте это в виду и принимайте какие-нибудь меры.

Погодин ответил на это следующей колкостью:

— Не знаю, чего хочет Строганов. Хочет ли он, чтобы вы были при мне адъюнктом или при ком-нибудь другом? Слышал я, что он думал о переводе сюда Иванова из Казани; может быть, он хочет, чтобы вы при Иванове были адъюнктом.

Погодин хотел уязвить Соловьева, дав понять ему, что самостоятельным преподавателем он все равно быть не может. Понятно, что при таком отношении учителя к ученику между ними не могли долго сохраняться дружеские отношения.

29 июля декан созвал факультет и объявил, что сейчас имеются две вакантные кафедры: философии и русской истории, и что попечитель предлагает двух кандидатов: Каткова и Соловьева. На кафедру философии единогласно был избран Катков, но когда дошла очередь до Соловьева

Шевырев объявил, что странно будет выбирать на такую важную кафедру молодого, почти неизвестного человека, когда знаменитый ученый Погодин, чувствуя, что его здоровье поправилось, желает опять занять прежнее место.

Большинством голосов, однако, постановили выбрать Соловьева, поручив при этом декану спросить Погодина, на каких условиях тот желает опять читать лекции. Давыдов предложил Погодину читать лекции для желающих, в качестве приват-доцента, безо всякого вознаграждения. Погодин принял это, конечно, за оскорбление и ответил грубым письмом.

В сентябре 1845 года Соловьев начал чтение лекций в качестве преподавателя, и две его первые лекции, заключавшие обзор всей русской истории, произвели благоприятное впечатление на присутствовавших профессоров.

— Мы все вступили на кафедру учениками, — сказал Грановский, — а Соловьев вступил уже мастером своей науки.

— Дай Бог, чтобы Погодин кончил так, как этот начал, — заметил Строганов.

В октябре состоялся диспут Соловьева, прошедший блистательно. Неприятное впечатление произвело только неприличное поведение Погодина. Он объявил, что приехал только с тем, чтобы изложить свое мнение о диссертации, а не с тем, чтобы спорить; поэтому он не желает слышать никаких возражений Соловьева и не обратит на них ни малейшего внимания. Декан, однако, предложил Соловьеву защищаться, так как в этом и заключается смысл диспута, и ему нетрудно было разбить главнейшие доводы Погодина.

Казалось бы, что после всего этого отношения между учителем и учеником должны были бы окончательно прекратиться, но добродушный Соловьев через несколько месяцев после диспута все-таки стал заходить к Погодину и ему пришлось выслушать от него разные укоры.

— Ваши два приезда ко мне произвели на меня приятное впечатление, — сказал Погодин, — я подумал, молодой человек еще не огрубел; но скажите, разве хорошо вы со мной поступили?

— Вы прежде скажите мне, что дурного я сделал по отношению к вам? — ответил Соловьев.

— Вы мне привезли экземпляр своей диссертации безо всякой надписи, тогда как я видел, что другим вы написали; какому-нибудь Ефремову и тому написали.

— Но видели вы экземпляры моей диссертации у членов факультета? — спросил Соловьев. — Ни у одного из них вы не найдете с надписью, ибо надписывать я имел право только тем, кому дарил, кому мог и не дать, тогда как лицам официальным, каковы члены факультета, я обязан был дать по экземпляру; они получили экземпляры, так сказать, казенные, а не от меня в дар. Вас я также причисляю к лицам официальным, вы были экзаменатором. Но скажу прямо: конечно, вы получили бы экземпляр с надписью очень для вас лестной, если бы не так поступили со мной, если бы черная кошка не пробежала между нами.

— А это хорошо с вашей стороны, — продолжал Погодин, — начать первую лекцию и не сказать ни слова обо мне, вашем предшественнике?

— Решительно в голову не пришло, — ответил Соловьев.

Но если бы ему это и пришло в голову, он очутился бы в большом затруднении, потому что не мог сказать ничего хорошего о Погодине как о профессоре.

Погодин говорил о пустяках, умалчивая о своем главном обвинении против Соловьева, — о том, что он навсегда отнял у него профессорскую кафедру.

¹ Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) — историк, психолог, социолог и публицист, автор многочисленных статей по русской истории и истории русского права, составивших ему заслуженную славу в интеллектуальных кругах.

Несмотря на то что Соловьев читал шесть лекций в неделю, он энергично принялся за докторскую диссертацию и успел написать ее летом 1846 года. В 1847 году она была напечатана и составила большую книгу в 700 страниц под заглавием «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». Надо удивляться, каким образом Соловьев успел за такое короткое время закончить это обширное сочинение, где он критически исследовал наши летописи, княжеские договоры и другие документы с древнейших времен до Иоанна IV, где представил новую теорию, объясняющую общий ход русской истории за указанный период.

Кавелин вполне оценил этот замечательный труд и отозвался о нем самым лестным образом в «Отечественных записках» и «Современнике». Ему нравилось то, что Соловьев не только излагает факты, но старается объяснить общий ход русской истории.

Погодин же находил, что это бесполезный труд, что историк должен ограничиваться выборкой из летописей, не строя никаких систем, не увлекаясь никакими теориями, то есть оставаясь сухим летописцем, каковым был он сам. Докторскую диссертацию Соловьева он назвал собранием парадоксов, но тут же выдал себя, признавшись: «Я не прочел всей книги, потому что видел с первых страниц путь непрямой, путь, не ведущий к цели».

Погодин обвинял Соловьева в поспешности: «Как г-н Кавелин приступает к истории с готовыми мыслями,— писал он,— так г-н Соловьев употребляет в дело первые ему попавшие в голову. Иначе и нельзя бы решить за один год столько вопросов: и об уделах, и о родовых отношениях, и о местничестве, и о Новгороде, и проч., и проч.». Учителем было неприятно, что его молодой ученик решил много вопросов, так как он сам за двадцать лет ни одного вопроса не решил.

Соловьев получил за свою диссертацию ученую степень доктора исторических наук и вслед за этим был утвержден экстраординарным профессором, а в 1850 году — ординарным. До самой смерти он жил почти безвыездно в Москве, переселяясь только на лето на какую-нибудь подмосковную дачу. Жизнь его не была богата событиями, так как он всю ее посвятил науке и Московскому университету, где занимал кафедру более 30 лет.

Поскольку на одно профессорское жалованье жить было невозможно, то Соловьев занимал и другие должности, сначала инспектора Николаевского института, а затем — директора Оружейной палаты. Кроме того, он преподавал русскую историю членам императорской фамилии. Уже незадолго до смерти Соловьева Академия наук, где кафедру истории занимал Погодин, признала наконец его ученые заслуги и избрала его в ординарные академики по русскому отделению.

Соловьев справедливо восставал против крайней специализации в занятиях и хотел, чтобы высшее образование давало молодым людям не только специальные познания, но и общее развитие. Это видно из речи, сказанной им 1 ноября 1872 года при открытии Высших женских курсов в Москве.

«Мы предлагаем,— говорил Соловьев,— Высшие курсы не факультетские, но курсы предметов общего образования. Почему же мы вам предлагаем такие курсы и их считаем необходимыми для вас? Да потому, что мы считаем себя обязанными по мере сил наших содействовать избавлению русской женщины от тех неудобств, которые терпят мно-

жество русских мужчин, принадлежащих к так называемому образованному классу,— от неудобств, проистекающих вследствие недостатка общего высшего образования.

Известно, что сущность цивилизации состоит в разделении занятий: дикарь делает сам все для него нужное; человек цивилизованный делает что-нибудь одно и потому может совершенствовать свой труд, и так как относительно всех остальных необходимых вещей он находится в зависимости от своих собратий, то здесь образуется тесная общественная связь, источник общественного развития. Но в делах человеческих где свет, там и тень, и при блестящих успехах цивилизации, обусловленных разделением занятий, люди проницательные уже давно стали указывать на печальные следствия этого доводимого до крайности разделения занятий, указывали, как человек, занятый постоянно одним и тем же делом, тупеет, превращается в машину, тогда как духовные силы развиваются под условием простора, расширения горизонта, многообразия предметов, доступных познанию и деятельности.

Одинаково печальны бывают следствия, когда человек разбрасывается по множеству предметов и подавляется этим множеством и когда при исключительном занятии одним каким-нибудь делом дает иссыхать своим духовным силам, не восстанавливая их необходимой переменной занятия. Сказанное вообще прилагается и к разделению научных занятий: обыкновенно по окончании курсов общего образования в приготовительных школах стремятся в высшие специальные учреждения, чтобы посвятить себя изучению известного круга предметов, но это слишком поспешное ограничение себя известной специальностью приносит очень часто горькие плоды: само глубокое изучение своей специальности и известные успехи в ней не спасут человека от односторонности, остановки в развитии, отупения, и специалист в науке нисходит на ступень специалиста в ремесле, он поражает незнанием самых обыкновенных предметов, задает детские вопросы, сидит глух и нем при решении вопросов общественного интереса, или, что еще хуже, муж, посевший в трудах, принимает первое накрикнутое ему мнение и повторяет его.

Часто старик идет в ученики к ребенку, от него старается узнать, какое последнее новенькое мнение существует относительно того или другого предмета, и легко понять, какие удивительные вещи получает в ответ: он или повторяет бессмыслицу, или с ужасом начинает жаловаться на науку, до чего она дошла в последнее время, чему это учат молодых людей; иной старается усвоить себе новенькое, самое цветное мнение точно так, как человек, приехавший из глуши в столицу, увидит человека пестро одетого и считает его за первого столичного франта, законодателя моды, облачится в пестроту и думает, что оделся по последней моде, с отличным вкусом.

Таким образом, общего образования, доставляемого приготовительными школами, оказывается недостаточным, ибо они имеют главной задачей развитие умственных способностей для приготовления к дальнейшему занятию науками в специальных учреждениях,— обращается особенное внимание на предметы, наиболее содействующие достижению этой цели,— для занятия предметами высшего общего образования у них нет времени, да и возраст учащихся тому препятствует. А именно тогда, когда молодой человек вырос, окреп, развил свои способности посредством предметов приготовительной школы, когда получил возможность с успехом заняться предметами высшего об-

шего образования, столь необходимыми для правильности его гражданской мысли и деятельности, именно тогда он углубляется в какую-нибудь специальность и без высшего общего образования подвергается опасности снизойти на степень ремесленника.

Разумеется, есть натуры избранные, которые не могут чувствовать себя очень удобно в тесном помещении своей специальности и потому стараются приобрести сведения своими средствами, а большим трудом и препятствиями, в предметах общего высшего образования, отчего они становятся, с одной стороны, полноправными членами общества с голосом, а с другой — приобретают могущественные средства для успехов в своей специальности.

Но такие явления составляют, к несчастью, исключения, а мы должны иметь дело с большинством, да и для всех вообще важно иметь средство с наименьшими усилиями и препятствиями приобретать сведения в предметах высшего общего образования, при указании и руководстве людей более опытных. Таким образом, необходимость правильно организованных курсов общего высшего образования есть потребность нудящаяся».

Сообразно с таким взглядом на высшее образование Соловьев старался в своих университетских лекциях не только давать студентам полезные сведения, но прежде всего развивать их, и потому придавал своему курсу философский характер. Не утомляя слушателей подробным изложением фактов, он останавливал внимание на так называемой внутренней истории, показывая, какое значение имела природа России для ее истории, прослеживая отношения между князьями в так называемый «удельный период», объясняя, какое значение имело татарское иго, почему столица перенесена была с юга на север, как сложилось самодержавие, как вследствие борьбы казачества с земскими людьми наступило Смутное время, почему необходима была реформа Петра и в какой связи она находилась с предыдущим временем.

Профессор старался понять законы, по которым развивалась русская история, и постоянными сравнениями с историей Западной Европы давал своим слушателям богатый материал для выводов, заставлял их думать, расширял их умственный горизонт.

«Для Соловьева, как и для Грановского, — говорит академик К. Н. Бестужев-Рюмин¹, — история была наукой, по преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другого поучительный характер истории заключался не в тех прямых уроках, которыми любила шеголять историография XVIII века и которыми богаты страницы Карамзина, где выставляются герои добродетели в пример для подражания и чудовища порока в образец того, чего следует избегать. Нет, ни тот, ни другой из этих незабвенных профессоров не считал историю “зеркалом добродетели”, но каждый из них имел другую цель: они старались воспитать в своих слушателях сознание вечных законов исторического развития, уважение к прошлому, стремление к улучшению и развитию в будущем; они старались пробудить сознание того, что успехи гражданственности добываются трудом и медленным процессом, что великие люди суть дети своего общества и представители его, что им нужна почва для действия.

Не с насмешкой сожаления относились они к прошлому, но со стремлением понять его в нем самом, в его отношениях к настоящему: “Спросим человека, с кем он знаком — и мы узнаем человека; спросим о его истории — и мы узнаем народ”. Этими словами Соловьев начал свой курс 1848 года, когда я имел счастье его слушать. В истории народа мы его узнаем, но только в полной истории, в такой, где на первый план выступают существенные черты, где все случайное, несущественное отходит на второй план, отдается в жертву собирателям анекдотов, любителям “курьезов и раритетов”.

Кто так высоко держал свое знамя, тот верил в будущее человечества, в будущее своего народа и старался воспитывать подрастающее поколение в этой высокой вере. С этой-то воспитательной целью такие профессора держались преимущественно общих очерков, где в мелочах не теряется общая мысль. Таким был всегда характер курсов Грановского, таким постепенно делал свой курс Соловьев; но и на первых своих шагах в университете он уже давал много места общим соображениям и выводам.

Как горячо принимал к сердцу Соловьев университетские дела, видно из следующего рассказа профессора Буслая: «Первым делом в организации университетского самоуправления (по введении университетского устава 1863 года) было решить, кого избрать председателем совета. Вопрос этот на первых же порах сделался яблоком раздора в профессорской корпорации. Одни хотели иметь ректором Соловьева, другие — Баршева, и таким образом желанное единогласие для общей пользы было нарушено и распалось на две враждебные партии, на соловьевскую и баршевскую.

Первая была гораздо малочисленнее последней, поэтому ректором был избран Баршев и оставался в этой должности несколько трехлетья кряду. Ожесточенная вражда, не умолкавшая в стенах университета, наконец опротивела мне донельзя. Она вредила и общему делу, и была губительна для отдельных лиц. Однажды на заседании совета Соловьев, в качестве декана, горячо защищал какое-то предложение или заявление филологического факультета от злых нападок со стороны враждебной партии и до того был оскорблен и раздражен нахальством и дерзостью своих противников, что совсем изнемог, а воротившись домой, в тот же день слег в постель и целые шесть недель прохворал в нервной горячке».

В семидесятых годах, когда изменилась профессорская корпорация, Соловьева несколько раз выбирали в ректоры.

«Когда университет, — говорит ученик и сослуживец Соловьева профессор Герье², — признавая его значение, избрал его в ректоры, для этого учреждения наступила новая счастливая пора внутреннего развития, оправдавшая начала, положенные в основание университетского устава 1863 года. Ректорство С. М. Соловьева было знаменем служения одним только научным интересам и широкого понимания задач университетской жизни. Слова, написанные им некогда об исповедниках просвещения в XVII веке, что им “нужно было много труда, много жертв и страдания”, сделались как бы пророческими для него самого. Ему опять пришлось бороться против недоверия к науке, “происшедшего от неумения сладить с прогрессом, от стремления остановить его, возвратиться к первоначальным формам”. Но теперь речь шла не о литературных направлениях, не об

¹ Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897) — знаменитый русский историк, руководитель Санкт-петербургской школы историографии.

² Владимир Иванович Герье (1837—1919) — историк и общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

исторических взглядах, оно касалось жизненных форм русской науки, университетского строя.

Ученый, который своей многолетней, всеми признанной деятельностью доказал, как он умел согласовать самую искреннюю, разумную преданность государственному началу с бескорыстным стремлением к науке и просвещению, мог, конечно, вернее и беспристрастнее многих других судить об истинных потребностях русской науки. Но ему не суждено

было дать перевес тому, что он считал правым делом; весной 1877 года Соловьев был принужден оставить ректорство и прославленную им кафедру. Через два года смерть навсегда прекратила его просветительную деятельность».

Еще не настало время рассказывать подробно о борьбе, которую вел С. М. Соловьев, — борьбе прогресса с застоєм, светлого начала с темным. Еще живы лица, с которыми он боролся, которые осилили его...

ГЛАВА III

«История России с древнейших времен»

Защитив докторскую диссертацию, Соловьев принял за свой главный труд — «Историю России с древнейших времен» — и выпустил первый том осенью 1851 года. В 1830 году, когда вышла «История русского народа» Полевого, А. В. Никитенко записал в своем дневнике:

«Еще до появления в свет этой книги она уже была осуждаема и превозносима. Так называемые патриоты, почитатели доброго Карамзина, не понимают, как можно осмелиться писать историю после Карамзина. Партия эта состоит из двух элементов. Одни из них — царедворцы, вовсе немслящие или мыслящие по заказу властей; другие, у которых есть охота судить и рядить, да недостает толку и образования, в простоте сердца веруют, что Карамзин действительно написал историю русского народа, а не историю русских князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящие и образованные, суд которых основывается на размышлении и доказательствах, коих немного. Эти последние знают, чем отечество обязано Карнозину, но знают также, что его творение не удовлетворяет требованиям идеи истории столько, сколько удовлетворяет требованиям вкуса».

Попытка Полевого не удалась, и это еще более утвердило некоторую часть общества в мнении, что Карамзин стоит на недосыгаемой высоте и что писать историю после него большая дерзость. Такой взгляд господствовал в высшем обществе, когда появился первый том «Истории» Соловьева.

Один из высокопоставленных меценатов прямо высказал автору свое недовольство; он находил намерение писать русскую историю после Карамзина очень смелым; другое дело, если бы Соловьев издал лекции, читанные им в университете. Автор отвечал, что название лекций было бы странным для труда, который, должно быть, будет очень обширным и многотомным. Это окончательно рассердило мецената, и он сказал нелепость, показывавшую все его невежество: «Да и в Англии пробовали писать многотомные истории, а до Юма¹ все-таки не достигли».

Эти меценаты, не читая труда Соловьева, отзывались о нем с большим пренебрежением, старались уничтожить, уронить его в глазах публики. Но обыкновенная читающая публика отнеслась иначе к сочинению молодого профессора. Она довольно скоро раскупила новую книгу и тем доказала, что потребность в новой истории России дей-

ствительно существовала и что труд Соловьева удовлетворял этой потребности больше, чем устаревшее сочинение Карамзина.

Критика отнеслась к «Истории России с древнейших времен» довольно недоброжелательно. Один только Кавелин оценил ее по достоинству и посвятил разбору первого тома обширную статью в «Отечественных записках» 1851 года, где говорится между прочим следующее:

«Как прагматическое сочинение новая книга г-на Соловьева бесспорно принадлежит к числу лучших исторических трудов, появившихся в последнее время. Книга его достойным образом представляет в нашей исторической литературе направление, данное в последнее время изучению русской истории. Можно не соглашаться с г-ном Соловьевым, но нельзя не признать, что его сочинение свидетельствует о глубоком знании автора, его правильном историческом взгляде и методе и знакомстве с исторической критикой в ее современном значении. Вот почему первый том «Истории России» бесспорно — историческое сочинение в полном значении слова.

«История России» есть зрелый и сознательный исторический труд, а не шаткий опыт. Все исторические явления рассматриваются здесь с их внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются последовательно по их внутренней преемственности; бытовая сторона обращает на себя, как и следует, гораздо большее внимание автора, чем внешние события. Наконец, взгляд гораздо серьезнее, приемы строже, чем у его предшественников. Вот общая оценка разбираемой нами книги, как мы ее понимаем. Она произвела на нас самое утешительное впечатление как живое, несомненное доказательство преуспевания русской исторической литературы и ее быстрых успехов в такое короткое время».

«История» Соловьева до сих пор необходима, и даже незаменима как для ученого, так и для всякого образованного человека, желающего ознакомиться с прошлым своего отечества. Это единственная у нас полная «История России», доходящая до 1774 года.

К сожалению, автору не удалось довести своего рассказа до конца царствования Екатерины, но зато две другие его книги отчасти пополняют этот пробел и продолжают исторический рассказ до 1825 года. Я говорю о сочинениях Соловьева «История падения Польши» и «Император Александр I». В последнем труде, правда, рассмотрены только дипломатические сношения России с иностранными державами; главное внимание обращено, конечно, на Францию, и взгляд Соловьева на Наполеона, несмотря на мно-

¹ Дэвид Юм (1711—1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма, номинализма и скептицизма; экономист, историк и публицист, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения; автор многотомной «Истории Англии».

жество изданных с тех пор документов, остается до сих пор верным.

При составлении своей «Истории России» Соловьев воспользовался всеми известными источниками и на основании критического их изучения подробно излагал факты, причем нередко буквально передавал летописи, что порой утомляет читателя, но зато наглядно передает характер эпохи. В первых томах мы находим подробное изложение княжеских усобиц, походов на печенегов и половцев, сражений с татарами и т. п.

Установить события в их взаимной последовательности, показать, какие факты могут быть признаны достоверными, было необходимо, так как они служат единственной надежной опорой для дальнейших выводов; особенно необходимо было это сделать для XVII и XVIII веков: если с древней историей еще можно было кое-как ознакомиться по сочинению Карамзина, то новая история после Смутного времени оставалась совершенно неизвестной. Но тут Соловьев заметил, что по одним печатным источникам невозможно написать сколько-нибудь полной истории, и он обратился к документам, хранящимся в наших архивах.

Большинство томов его «Истории» составлены почти исключительно по списанному им архивному материалу; таким образом Соловьеву пришлось быть в одно и то же время и первым издателем сырого материала, и первым его исследователем. Кто знает, сколько времени отнимают поиски в архивах, сколько труда надо положить, чтобы разобраться в этом материале, тот оценит громадную работу, принятую на себя нашим историком, и поблагодарит его за подробное изложение фактов нашей новой истории, которые без него, может быть, до сих пор оставались бы неизвестными.

Между прочим, Соловьев первым обратил должное внимание на историю Юго-Западной Руси, которая до него почти не подвергалась критической разработке. Указав на борьбу, которую вели русские люди юго-западных областей с католическими стремлениями Ягеллонов и их преемников, Соловьев говорит: историк должен со вниманием следить за этой борьбой — по тому великому значению, которое имела она и особенно исход ее на судьбы России и Восточной Европы.

Но, разумеется, главное внимание Соловьева привлекала не Юго-Западная, а Северо-Восточная Русь, где «вследствие внутренних движений образовалось самостоятельное Русское государство». Его-то жизнь, развитие, колебания его судьбы ни на минуту не должен упускать из виду историк и, по мнению Соловьева, лишь в положении к нему измерять важность тех или других событий, совершающихся вне его пределов.

Полнота «Истории России с древнейших времен» заключается не только в том, что по ней можно ознакомиться со всеми фактами нашей истории вплоть до екатерининского времени, но также в том, что автор обратил должное внимание на так называемую внутреннюю историю. Здесь приняты во внимание все стороны нашего прошлого, история сословий, дружины, бояр, купечества, дворянства, городского и сельского населения, духовенства, монашества, история учреждений, приказов, Сената, Синода, собрание законов, «Русская правда», «Судебники». «Уложение», экономическое положение страны, финансы, торговля, не забыты и литература, просвещение, нравы и обычаи.

Такая полнота уже сама по себе имеет значительную цену и во всяком случае делала бы труд Соловьева чрезвычайно полезным для историков, но по современным научным

Николай Алексеевич Полевой
(1796—1846)

Николай Алексеевич Полевой — писатель, историк, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик; автор «Истории русского народа», которая была в определенном смысле противопоставлением официальной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

воззрениям он не имел бы права называться историком, если бы в нем не было ничего, кроме толкового и хотя бы критически проверенного изложения фактов. Считая необходимым подробно излагать исторические факты, Соловьев в то же самое время старался проникнуть в глубь событий, найти им должное объяснение. При этом сказалось многостороннее образование автора, его занятия европейской историей сначала под руководством Грановского, потом за границей, постоянно пополнявшиеся чтением выдающихся сочинений по всеобщей истории.

Соловьев воспользовался идеями знаменитого географа Риттера о взаимодействии между природой и человеком и приложил их к русской истории. С этого начинается его сочинение. «Ход событий постепенно подчиняется природным условиям», — говорит он и тут же показывает, какое значение имела в нашей истории равнинность страны, отсутствие гор.

«Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают